

DEGTYAREV Aleksandr Yakimovich, *Dr.Sci. (Hist.)*, Advisor to the Chairwoman of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (26 Bol'shaya Dmitrovka St, Moscow, Russia, 103426; bronk@mail.ru)

GENERAL MIKHAIL ALEKSEEV AND THE ABDICATION OF EMPEROR NICHOLAS II

Abstract. The article deals with the legal basis and motives of several Russian historical figures' action in February and March 1917. The author opposes the theory, which was spread first among Russian emigrants and then in the Russian historiography, suggesting that Emperor Nicholas II had been betrayed by top military officers.

Keywords: General Mikhail Alekseev, Nicholas II, February 1917, abdication of emperor

---

УСТИНКИН Сергей Васильевич — доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений, экономики и управления, профессор кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а); директор Приволжского филиала ФНИСЦ РАН (603000, пер. Холодный, 4; sv.ustinkin@gmail.com)

В.В. ШУЛЬГИН О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются взгляды Василия Витальевича Шульгина по вопросу о сущности и содержании Белого движения в России. В современной историографии нет единого понимания этого феномена русской контрреволюции. В.В. Шульгин же разработал оригинальную концепцию Белого дела: вскрыл причины начала белой борьбы; отразил постепенную идейно-политическую и духовно-нравственную эволюцию Белого движения; проанализировал причины его поражения. Изучение взглядов В.В. Шульгина как непосредственного участника российской революции и контрреволюции дает возможность лучше понять сущность происшедших событий и извлечь из них политические уроки для современности.

Ключевые слова: революция 1917 года, Гражданская война 1917–1922, российская контрреволюция, белые и красные, Белое дело, русская эмиграция

В современной историографии нет единства взглядов по вопросу о сущности Белого движения, а также о роли Василия Витальевича Шульгина в его организации, разработке политики и идеологии [Устинкин 1995: 3–10; Устинкин, Ильин 1994; Милюков 1994; Тормозов 1998; Драма российской... 2002: 8–27, 337–344; Голдин 2000: 14–24]. Затрудняют дело разные оценки идейно-политических и духовно-нравственных убеждений самого Шульгина [Бабков 2008б].

Многие исследователи считают, что Шульгин разделяет именно их политические взгляды. Так, например, Е. Соколов утверждает, что не знает ни одного устного или письменного заявления В.В. Шульгина, в котором он бы приветствовал советскую власть [Соколов 1981: 3]. В. Бушин вспоминает, что в год 50-летия Великой Октябрьской революции Василии Витальевич заявлял: «Мы, русские монархисты, хотели видеть Россию могучей и процветающей. Большевики сделали ее такой. И это меня с ними мирит» [Бушин 2008: 4]. В.Н. Осипов, беседовавший с В.В. Шульгиным летом 1970 г., вспоминал, что его «поразило отсутствие какого-то ни было раскаяния» и за бунт в рядах анти-

монархического «прогрессивного блока», и за лживые провокационные речи в Думе, и за требование отречения государя от престола в пользу трепачей и преступников, разваливших армию и империю после 2 марта 1917 года [Осипов 2008: 81]. Д.И. Бабков утверждает, что на какой-то период времени, до прихода к власти в Германии национал-социалистов, В.В. Шульгин стал идеологом русского фашизма [Бабков 2008б].

Что с методологической точки зрения объединяет изучение жизни и деятельности В.В. Шульгина, истории революции и Гражданской войны в России? Совершенно очевидно, что это выдающаяся роль, которую сыграл В.В. Шульгин как в истории русской революции, так последовавшей за ней контрреволюции. Но наиболее интересным, на наш взгляд, является исследование во многом параллельной эволюции убеждений Шульгина и трансформации политики белых, анализ его оригинальной концепции белого дела.

Дискуссия о сущности и содержании Белого движения началась еще в ходе революции и Гражданской войны. При этом монархисты, сторонники самодержавия Б. Никольский, П. Курлов, И. Корвацкий и др. доказывали, что Белое движение отстаивало ценности православия, самодержавия, народности, являло собой дух русского национального всеединства, религиозной борьбы «за дело Божие на Земле».

Монархисты-конституционалисты, такие как В. Гурко, Л. Билинский, И. Ильин, акцентировали внимание на государственно-патриотическом, духовно-нравственном характере Белого движения [Ильин 1923: 237, 242].

П.Н. Новгородцев, П.Б. Струве, П.Н. Милюков, Н.И. Астров, Ц.Л. Франк и другие либералы считали, что Белое движение было крайне неоднородно, но в целом следовало критериям необходимости построения правового государства и гражданского общества [Франк 1990: 233].

Сменовеховцы Н.Н. Устрялов, Ю.В. Ключников доказывали, что сущность и ценности белой борьбы не оставались неизменными, а эволюционировали от демократии и либерализма к милитаризму и реакции [Устрялов 1920: 5].

Евразийцы Г.В. Фроловский, Л.П. Карсавин отстаивали мнение, что Белое дело было двойственно по своей природе. В плане нравственном — это был святой, но безнадежный порыв. В социально-политическом отношении Белое движение представляло собой реакционную утопию [Фроловский 1922: 240].

Правые социалисты В.М. Чернов, С.П. Мельгунов, Н.В. Чайковский, признавая героизм белой войны и мужество военных руководителей контрреволюции, сочли необходимым отречься от Белого движения, провозгласив его изначальную несостоятельность и обреченность из-за реставрационных устремлений белых генералов [Чайковский: 3-5].

Русские фашисты Г.В. Тараданов, К.В. Родзаевский, В.В. Кибардин, напротив, считали Белое дело движением либеральным. В его поражении видели как раз свидетельство губительности либерализма для России [Слоневич 1938: 2].

Л.Г. Корнилов, А.В. Алексеев, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, А.В. Колчак, К.С. Сахаров, В.Г. Болдырев, П.Н. Врангель и другие военные руководители контрреволюции сущность белого дела сознавали как «мучительное искание сильной национальной демократической власти, но не реакции». С точки зрения генералов, белые армии должны были объединить под своими знаменами всех, «кому дорога русская национальная идея, свобода и независимость Родины, и должны были защищать общенациональные, а не сословные, партийные или классовые интересы» [Деникин 1924: 7].

В современной историографии можно встретить все вышеизложенные интерпретации сущности белого дела со множеством переходных вариантов.

Белое движение представляло из себя монархическую, помещичье-буржуаз-

ную контрреволюцию и крайнюю реакцию, считают специалисты, разделяющие неомарксистские взгляды.

Белое движение зародилось как оппозиционная деятельность наиболее государственно мыслящей части общества против политики Временного правительства, которая вела к развалу Российского государства, утверждают их оппоненты из лагеря государственников-патриотов.

Часть исследователей, трактующих проблему с позиции общечеловеческих ценностей, демократии и космополитизма, усматривают в сущности белого дела один из гносеологических корней фашизма, а подчас и прямо отождествляют исходные постулаты белой и фашистской идеологии.

Большинство западных историков и отечественных либералов отстаивают точку зрения, согласно которой Белое движение являлось либеральной, прозападной альтернативой марксизму-ленинизму, отстаивало идеалы Февраля и программу либеральной демократии.

Каждое из приведенных определений в какой-то мере отражает черты идеологии и политики российской контрреволюции, но не исчерпывает ее. Разные методологические подходы: неомарксистский, институциональный, неолиберальный, религиозно-этический и, соответственно, резко различающиеся критерии определения сущности белого дела, особенности культурной ориентации и политической приверженности авторов исследований приводят к гипертрофии специфических проявлений движения, преувеличению роли и значения отдельных черт, причин и факторов, приведших к его возникновению и идейно-политической эволюции.

На наш взгляд, более продуктивным является системный, структурно-функциональный подход, требующий рассматривать революцию и контрреволюцию как две стороны диалектически противоречивого, дискретного, но единого процесса общественного развития. На основе осознания единства противоборствующих сил, их взаимозависимости и взаимовлияния можно анализировать различные варианты изменения вектора развития России, учитывая при этом влияние на внутренние политические процессы внешних игроков и сил.

Что же касается духовно-нравственной оценки происшедшего, то нам кажется убедительной точка зрения М.А. Волошина, считавшего, что молитва во время Гражданской войны может быть только за тех и за других: «Когда дети единой матери (России) убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев» [Волошин 1990: 29].

Многолетние исследования сущности и содержания Белого движения показывают, что Белое дело на всем протяжении своего существования было крайне разнородным и противоречивым и не оставалось неизменным. Оно представляло из себя русское государственно-патриотическое движение, буржуазное по своей социальной природе, которое в плане политическом эволюционировало от коалиции правых социалистов с кадетами, через чистый кадетизм к кадетомонархизму, а в идеологии — от социального реформаторства с элементами государственно-патриотического милитаризма через либерализм к консерватизму. В этике оно представляло из себя конгломерат установок нравственного кодекса офицерской чести, православных нравственных норм, этических установок либерализма и консерватизма.

Стержнем организационной структуры движения, главным элементом государственного аппарата белых правительств были вооруженные силы. Генералы и офицеры осуществляли политическое руководство борьбой и стали ядром, вокруг которого смогли объединиться другие антибольшевистские силы.

Разгон большевиками Учредительного собрания и заключение Брестского мира консолидировали два разнородных контрреволюционных движения:

революционную демократию (демократическую контрреволюцию) и корниловское Белое дело, выступившее под лозунгом «непредрешения» государственного строя до ликвидации советской власти, за «великую, единую, неделимую Россию».

«Непредрежденничество» давало возможность различным антибольшевистским силам идти одной дорогой, враждая и тая в сердце одни – парламентскую республику, другие – конституционную монархию, как справедливо утверждал А.И. Деникин. В случае победы, видимо, произошло бы вооруженное столкновение между ними. И победившие генералы после окончания Гражданской войны в России сказали решающее слово в определении формы политического управления.

Какую же роль в революции и Гражданской войне, в Белом движении сыграл В.В. Шульгин? Каково содержание его оригинальной концепции белого дела?

В советской энциклопедии «Гражданская война и интервенция в СССР» Василий Витальевич определяется как монархист, «один из организаторов борьбы против Советской власти и идеологов “белого дела”»¹. На наш взгляд, точка зрения советской историографии о монархисте В.В. Шульгине как организаторе, политическом руководителе и идеологе Белого дела была связана с обоснованием реакционного, помещичье-монархического характера российской контрреволюции. Сегодня, наоборот, часть исследователей политической деятельности и взглядов В.В. Шульгина полагают, что называть Василия Витальевича организатором и идеологом южнорусского движения в корне неверно. К разработке идеологии этого движения В.В. Шульгин не имел никакого отношения. Его личные убеждения, такие как монархизм, шли вразрез с идеями Добровольческой армии. Шульгин являлся пропагандистом армии Н.В. Алексева и А.И. Деникина на Юге России [Бабков 2008а: 28].

Сведение деятельности такой яркой политической фигуры, как В.В. Шульгин, только к пропаганде антибольшевистских идей, на наш взгляд, некорректно. В.В. Шульгин сыграл огромную роль в обосновании необходимости борьбы с РКПб–ВКПб, организации антибольшевистского движения.

Вместе с М.В. Алексеевым он принял участие в формировании Добровольческой белой армии, став 29-м членом Алексеевской организации. Об участии В.В. Шульгина в Гражданской войне рассказано в книге «1920-й год».

Наряду с идеологическим обоснованием необходимости противодействия большевизму, пропагандой этих взглядов, Василий Витальевич оказывал заметное воздействие на военных руководителей Белого дела, таких как Н.В. Алексеев, А.М. Драгомиров, И.П. Романовский, А.С. Лукомский, П.Н. Врангель [Бабков 2008а: 70].

Подход В.В. Шульгина к национальному вопросу не только совпадал со взглядами руководителей Добровольческой армии, но во многом обусловил их появление. Работа В.В. Шульгина в Подготовительной по национальным делам комиссии, руководство Южнорусским национальным центром, пропагандирующим идеи русского национализма, позволяют говорить о том, что без изучения взглядов В.В. Шульгина нельзя составить адекватное представление о национальной политике Белого движения. Влияние В.В. Шульгина распространялось, прежде всего, на идеологию белых. Политика определялась целым комплексом объективных и субъективных причин [Пученко 2005: 3–16].

Как известно, до революции В.В. Шульгин разделял взгляды П.А. Столыпина, поддерживал его программу эволюционного развития России, одобрял меры,

¹ *Гражданская война и военная интервенция в СССР* (отв. ред. Хромов С.С.). 1983. М.: Советская Энциклопедия. С. 657.

направленные на подавление революционного движения, поддерживал военно-полевые суды. В.В. Шульгину импонировало, что П.А. Столыпин «выдвинул как программу действия Правительства борьбу с революционным насилием, с одной стороны, и борьбу с косностью — с другой. Отпор революции, покровительство эволюции — таков был его лозунг» [Шульгин 2015: 12-13]. Но эволюции не хотели ни «слева», ни «справа», справедливо считал Василий Витальевич.

После убийства П.А. Столыпина В.В. Шульгин не видел в правительстве достойных фигур, способных решить стоящие перед Россией задачи. Он постепенно дрейфует влево. Выходит из фракции националистов в Госдуме и образует Прогрессивную группу националистов. Входит в состав руководства Прогрессивного блока, в котором видит «союз консервативной и либеральной частей общества».

В годы Первой мировой войны он переходит на позиции национал-демократии. Правые обвиняют его в измене. Однако В.В. Шульгин по-прежнему отвергает идею революции, считая, что всякая революция обходится народу слишком дорого, не окупает своих издержек. Поэтому «если бунт подавить можно, то и Слава Богу... Николай I повесил 5 декабристов. Но если Николай I расстреляет 50 000 “февралистов”, то это будет дешево купленное спасение России. Это будет означать, что у нас есть государство, что у нас есть власть» [Шульгин 1989: 195].

Тем не менее В.В. Шульгин вместе с лидером октябристов А.И. Гучковым стал участником отречения Николая II за себя и сына Алексея в пользу брата Михаила Александровича, а затем присутствовал и при отказе последнего от престола.

Кадет Е.А. Ефимовский вспоминал: «Я как-то спросил Василия Витальевича, как это могло случиться? Он расплакался и сказал: Мы этого никогда не хотели; но если это должно было случиться, монархисты должны были быть около Государя, а не оставлять его на объяснение с врагами». В этой беседе В.В. Шульгин, думается, пытался интерпретировать свое участие в отречении, как своеобразную «жертву» [Шульгин 1922: 314].

Из-за слабости и нерешительности, организационного бессилия Временного правительства закономерен переход В.В. Шульгина от идеи конституционного монархизма к цезаризму. Василий Витальевич, всегда тяготевший «к сильной руке», начинает писать о необходимости в России вождя [Репников 2010: 39-40].

Первые дни в армии после свержения самодержавия точно запечатлел А.И. Деникин: «Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало в армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Вандеи... Но сдерживающим началом для них всех явились 2 обстоятельства: первое — видимая легальность обоих фактов отречения, причем второе из них, призывая подчиниться Временному правительству, облеченному всей полнотой власти, выбивало из рук монархистов всякое оружие; и второе — боялись междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они — генерал Алексеев, все главнокомандующие — признали новую власть [Деникин 1991: 131-132].

В.В. Шульгин ни минуты не сомневается в необходимости подавить большевизм силой: «Боже, как это было гадко! Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство. Пулеметов — вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе, что только он, свинец, может загнать его в берлогу, вырвавшегося на свободу страшного зверя. Увы — этот зверь был... его величество русский народ» [Шульгин 1989: 181-182].

В.В. Шульгин придерживается союзнической ориентации. После оккупации в феврале 1918 г. Киева немцами в своем письме генералу Н.В. Алексееву В.В. Шульгин пишет: «Добровольческая армия должна покончить с всякими колебаниями, оставить мысль об Учредительном собрании и народоправстве, которым из мыслящих людей никто не верит, и сконцентрировать все силы на одной задаче — вырвать русский императорский дом из физического обладания немцев... И от имени вступившего на престол государя объявить священную войну против немцев, завладевших Родиной»¹.

Идейная эволюция В.В. Шульгина отразилась в его взглядах на Белое движение. Сам В.В. Шульгин свою концепцию Белого движения характеризовал как «утопию монархиста». Основным принципом организации и деятельности Белого движения он считал повиновение вождю. «Его [вождя] совесть решает, что можно и должно, а что нет. Остальные повинуются», — писал он².

Объясняя причины начала белой борьбы, В.В. Шульгин жестко противопоставлял «красных» «белым»: «Красные — грабители, убийцы, насильники. Они бесчеловечны. Они жестоки. Для них нет ничего священного... Они отвергли мораль, традиции, заповеди Господни. Они презирают русский народ. Они хотят бездельничать, грабить, убивать. Они убивают, они пытаются... Значит, белые, которые ведут борьбу с красными, именно за то, что они, красные, совсем иные...

Белые — честные до донкихотства. Грабеж у них несмыслимый позор. Офицер, который видел, что солдат грабит, и не остановил его, — конченный человек. Он лишился чести, он больше “не белый”, он “грязный”...

Белые убивают только в бою. Кто приколол раненого, кто расстрелял пленного — тот лишен чести, он не белый, он — палач. Белые не убийцы — они воины.

Белые питают отвращение к ненужному пролитию крови и никого не ненавидят...

Разве это люди? Это почти что святые... Почти что святые и начали это белое дело.

Но что из этого вышло? Боже мой. Белое дело погибло, начатое почти святыми, оно попало в руки почти бандитов» [Шульгин 1989: 289-291].

Шульгин, мечтая о победе Белого дела, больше уповал не на насилие, а на покаяние и духовное возрождение. «Ведь в сущности вся белая идея была основана на том, — писал он, — что аристократическая часть нации удержится среди кабацкого моря, удержится именно белой несокрушимой скалой... Под аристократической частью нации надо подразумевать все лучшее, все действительно моральное и культурное, порядочное... Белое дело не может быть выиграно, если потеряны честь и мораль» [Шульгин 1989: 253-254].

Шульгин много размышлял о причинах трагического перерождения Белого дела, четко сформулировал сущность проблемы, которую белые пытались разрешить: «Надо было заставить... повиноваться себе, чтобы посредством повинующихся раздавить нежелающих повиноваться...»³. Почему же эта задача не была решена? В.В. Шульгин считал, что белым не хватило преданных, способных руководителей, не скомпрометировавших себя злоупотреблениями царского режима. Контрреволюция не выдвинула ни одного нового имени. «Колчак, Алексеев, Корнилов — все они уже были отмечены старым режимом. В этом и была наша трагедия», — утверждал он.

Весьма сурово отзывался В.В. Шульгин о русской либеральной интеллиген-

¹ ГАРФ. Ф. 44. Оп. 2. Д. 2. С. 40.

² ГАРФ. Ф. 6051. Оп. 1. Д. 28. Л. 1. С. 2.

³ ГАРФ Ф. 446. Оп.2. Д.121. С.2-3.

ции, у которой «мозги набекрень» и которая стала одной из причин произошедшей катастрофы. Годы борьбы с властью учат интеллигенцию фронде, а не способности нести «государственное тягло». Поэтому либерализм систематически разрушает вскормивший его режим.

Таким образом, Шульгин, вскрыв множество действительных причин, приведших Белое движение к поражению, считал, что монархисты не выказали никакой государственной зрелости и погубили чистую идею.

П.А. Врангеля Шульгин считал продолжателем дела П.А. Столыпина, либерал-консерватором и призывал эмиграцию поддержать «стольпинско-врангельский путь развития», который, по его мнению, заключался в том, чтобы, самоотверженно спасая то, что можно спасти, не причитать бессильно над бесповоротно ушедшим [Бабков 2008а: 138].

Это стало одной из причин сближения В.В. Шульгина со сменовеховцами, считавшими, что надо всячески содействовать бонапартистской трансформации РСФСР. М.С. Агурский в работе «Идеология национал-большевизма» верно заметил, что большевики, по убеждению В.В. Шульгина, «стали на национальные позиции, используя идеи Интернационала как орудие русской национальной политики». Поэтому, уверял Шульгин, со временем будет необходимо просто «скусить верхушку», отстранить от власти руководство большевиков и заменить его новым, национальным.

Этой же причиной был вызван интерес Шульгина к Муссолини. Причем П.А. Столыпина В.В. Шульгин считал предтечей итальянского фашизма. В данном случае В.В. Шульгин был не совсем прав. П.А. Столыпин, как известно, не ставил перед собой задачи создания политической партии, не разрабатывал целостную идеологию. Общая же для Столыпина и Муссолини ориентация на сильное государство, решительное подавление революции свойственны не только фашизму.

Белые были побеждены. Впрочем, побеждены ли? В.В. Шульгин, подводя итоги белой войны, настраивал себя на оптимистический лад: «Большевики создали Красную армию, построенную так же как армии всего мира, как наша... — значит, сделали белое дело...

Они своими Красными армиями (сделанными “по белому”) движутся во все стороны, пока не дойдут до твердых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... — значит, В.И. Ленин восстанавливает “Единую и Неделимую”.

Мы заставили их красными руками делать белое дело... Остается ждать — придет Некто, большевик по энергии и националист по убеждениям, выметет “Красное безумие” и победит Белая мысль». Таким образом, оригинальным компонентом концепции В.В. Шульгина стала мысль об «оптимистической трагедии белого дела» [Шульгин 1989: 48-52].

И наконец, В.В. Шульгин пророчески предсказал современные угрозы стабильности политического режима РФ. 24 ноября 1958 г. в докладной записке тогдашнему руководству КГБ Шульгин писал: «Идея коммунизма переживет нынешних коммунистов. Она воскреснет. Найдутся пламенные мстители, они скажут: Рай на Земле был близок к осуществлению, но враги рода человеческого сожгли светлое будущее в дьявольском пламени своей злобы. Смерть им! Они будут иметь успех, и волынка начнется сначала» [Шульгин 1997].

Чтобы национальная катастрофа не повторилась, нынешним лидерам политических партий, других элитных групп следует стремиться к компромиссу, используя реально существующие в обществе противоречия как источник развития общества, проводить реформы в интересах большинства граждан, не отказывая меньшинству в выражении и защите своих прав.

Таким образом, В.В. Шульгин являлся один из действительных организаторов и идеологов антибольшевистской борьбы. Он разработал оригинальную концепцию белого дела и многое сделал для ее воплощения в жизнь.

Эта концепция – «утопия монархиста» – отражает действительную эволюцию Белого дела, его духовно-нравственное перерождение и включает в себя такие оригинальные положения, как:

– «анализ трагического характера белой борьбы» (она не могла не начаться, но после перерождения была обречена);

– понимание духовно-нравственной, психологической близости большевиков и монархистов (и те и другие воплощали свои ценности в жизнь силой);

– моральное превосходство белых (он доказал, что успех красной доктрины не говорит о ее истинности, а тем более не оправдывает ее нравственно);

– обоснование «оптимистического» характера белой трагедии (возрождение под красным флагом Российской империи);

– пророческое определение современных угроз политической стабильности РФ (необходимость достижения баланса между идеей социальной справедливости и сильной, национально осмысленной государственности).

Впрочем, современным исследователям, на наш взгляд, еще предстоит понять, насколько искренними были призывы В.В. Шульгина после освобождения из заключения к русской эмиграции, к прекращению борьбы с советской властью.

Список литературы

Бабков Д.И. 2008а. *Политическая деятельность и взгляды В.В. Шульгина в 1917–1939 гг.*: дис. ... к.и.н. Брянск. 336 с.

Бабков Д.И. 2008б. Политическая публицистика В.В. Шульгина в период гражданской войны и эмиграции. – *Вопросы истории*. № 3. С. 92–107.

Бушин В. 2008. Народ – за Сталина. – *Завтра*. № 11.

Волошин М.А. 1990. Россия распятая. – *Юность*. № 10.

Голдин В.И. 2000. *Россия в Гражданской войне*. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск: Боргес. 280 с.

Деникин А.И. 1924. *Белое движение и борьба Добровольческой армии*. Май-октябрь 1918 г. Париж. Т.3.

Деникин А.И. 1991. *Очерки русской смуты*. Т. 1. *Крушение власти и армии (Февраль-сентябрь 1917)*. М.: Наука. 520 с.

Драма российской истории: большевики и революция. 2002. М.: Новый хронограф. 449 с.

Ильин И.А. 1923. *Русская мысль*. Кн. 6–8.

Милюков Р.Н. 1994. О причинах поражения антибольшевистского движения в России. – *История России XIX–XX веков. Историография, новые источники*: сборник. Н. Новгород.

Осипов В.Н. 2008. *Корень нации. Записки русофила*. М.: Алгоритм. 621 с.

Пученков А.С. 2005. *Национальный вопрос в идеологии политики южнорусского Белого движения в годы гражданской войны. 1917–1919*: дис. ... к.и.н. СПб. 233 с.

Репников А.В. 2010. Мы из тех пород, которым нужен видимый и осязаемый вожак. – *Романовские чтения. Династия Романовых и российская культура*: материалы конференции. Кострома.

Слоневиц И. 1938. Авторитеты и жизнь. – *Сигнал*. Париж. № 36, 1 авг.

Соколов Е. 1981. У Шульгина во Владимире. – *Посев*. № 6.

Тормозов В.Т. 1998. *Белое движение в гражданской войне: 80 лет изучения*. М. Б/и.

Устинкин С.В. 1995. *Трагедия Белой гвардии*: монография. Нижний Новгород. Изд-во НГУ. 404 с.

Устинкин С.В., Ильин И.А. 1994. О сущности Белого движения в России (1917–1922 гг.). – *Проблемы преподавания гуманитарных и социальных наук на современном этапе*: сборник. Н. Новгород.

Устрялов Н.В. 1920. *В борьбе за Россию*: сборник статей. Харбин.

Франк С.Л. 1990. По ту сторону «правого» и «левого». – *Новый мир*. № 4. С. 226–233.

Фроловский Г.П. 1922. *На путях утверждения евразийцев*. М.; Берлин. Кн. 3.

Чайковский Н. Грехи белого режима: рукопись конспекта статьи. – *Коллекция ГАРФ*.

Шульгин В.В. 1922. Размышления. Две старые тетради (публ. А.И. Ушакова). – *Неизвестная Россия XX век*. М. Кн. 1.

Шульгин В.В. 1989. *Дни 1920*: записки. М.: Современник. 557 с.

Шульгин В.В. 1997. Я защищаю Ленина. – *Комсомольская правда*. 1 ноября.

Шульгин В.В. 2015. *Россия, Украина и Европа*: избранные работы (сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репникова). М.: Содружество «Посев». 416 с.

USTINKIN Sergei Vasil'evich, Dr. Sci. (Hist.), Dean of the Faculty of International Relations, Economy and Management; Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155); Director of Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000; sv.ustinkin@gmail.com)

V.V. SHULGIN ABOUT AN ENTITY AND THE CONTENT OF WHITE MOVEMENT

Abstract. The author analyzes V.V. Shulgin's views on an entity and the content of White movement in Russia. There is no uniform understanding of this phenomenon of the Russian counterrevolution in the modern historiography. V.V. Shulgin developed the original concept of White movement. He opened the reasons of the beginning of white fight; reflected step-by-step ideological, political, spiritual and moral evolution of White movement; analyzed the reasons of its defeat. The analysis of views of V.V. Shulgin as direct participant of the Russian revolution and counterrevolution, will give the chance for the better understanding an entity of these events and for learning political lessons.

Keywords: revolution of 1917, Civil War of 1917–1922, Russian counterrevolution, white and red, White movement, Russian emigration

---